ФРАНСИН РИВЕРС

Любовь Искупительная

РОМАН

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2019

Дитя тьмы

ПРОЛОГ

У князя тьмы хорошие манеры...
Уильям Шекспир

Новая Англия, 1835 г.

Алекс Стаффорд выглядел в точности так, как мама его описывала. Это был высокий темноволосый мужчина — никого более красивого Сара в своей жизни еще не видела. Даже в пыльной дорожной одежде, с мокрыми от пота волосами, он походил на принца из сказок, которые мама читала ей. Сердце Сары громко билось от переполнявших ее гордости и невообразимой радости. Ни у кого из знакомых ей детей не было такого отца, который мог бы сравниться с ее папой.

Он посмотрел на нее своими темными глазами, и ее сердце замерло. Она была одета в свое самое лучшее голубое платье и белый фартук, ее волосы мама украсила розовыми и голубыми лентами. Нравится ли папе то, как она выглядит? Мама сказала, что голубой — его любимый цвет, но тогда почему на папином лице не видно улыбки? Быть может, она ведет себя как-то не так?

Мама сказала, что ей нужно стоять смирно, держать спину прямо и вести себя как юная леди. Она сказала, что папе это обязательно понравится. Но он вовсе не казался довольным.

— Алекс, ну разве она не хороша? — спросила мама. Ее голос звучал странно... и неестественно.— Не правда ли, она самая красивая из всех маленьких девочек?

Саре показалось, что папины глаза еще больше потемнели; его брови сдвинулись. Он совсем не выглядел счастливым человеком. Казалось, он злился. Сейчас у него было такое лицо, какое бывало у мамы, когда Сара задавала слишком много вопросов или чересчур много говорила.

— Подожди минутку,— быстро проговорила мама. Слишком быстро. Она что, чего-то боится? Но почему? — Алекс, я задала

всего один вопрос. Пожалуйста, скажи что-нибудь. Это так много для нее значит!

Алекс Стаффорд пристально смотрел на Сару. Его губы были плотно сжаты, он продолжал молча изучать ее. Сара старалась не шевелиться. Этим утром она долго рассматривала себя в зеркале и поэтому хорошо знала, что он увидит. У нее были отцовский подбородок и нос, а светлые волосы и нежная кожа достались от матери. Глаза тоже походили на мамины, но еще более синие. Саре так хотелось, чтобы папа увидел, какая у него красивая дочь,— она смотрела на него с надеждой и ожиданием. Но взгляд его от этого не становился ни мягче, ни добрее.

— Ты ведь выбрала голубой цвет не случайно, Мэй? — Слова папы испугали Сару. От них веяло холодом и досадой.— Не потому ли, что это подчеркивает цвет ее глаз?

Сара ничего не могла понять. Она посмотрела на маму, и ее сердце снова замерло, когда она увидела лицо матери, искаженное от боли.

Алекс закричал, повернув голову к прихожей:

— Хлоя!

— Ее здесь нет,— тихо сказала мама, высоко подняв голову.— Я дала ей выходной.

Папины глаза стали еще темнее.

— Вот как? Ты любишь создавать неразрешимые проблемы, не правда ли, дорогая?

Мама замерла на секунду, затем сжала губы и посмотрела на Сару. Что происходит? С глубокой грустью Сара пыталась понять, но не могла. Разве папа не рад видеть ее? Она была так счастлива, что сможет побыть с ним хоть немножко...

— Что тебе нужно? Что ты хочешь? — Мама спрашивала папу, а Сара продолжала стоять, не шевелясь, не издавая ни звука, все еще надеясь.

— Пусть она уйдет. Я думаю, она знает, как найти Хлою.

Лицо мамы внезапно покрылось красными пятнами.

— Что ты хочешь этим сказать, Алекс? Что я развлекала других, когда тебя не было?

Сара стояла в недоумении. Они говорили друг с другом так холодно, никто из них ни разу не взглянул на нее. Может, они просто

забыли о ней? Что-то не так, но что? Мама казалась обезумевшей. Почему папа так разозлился, узнав, что Хлои нет дома?

Закусив губу, Сара посмотрела на родителей. Подойдя поближе, она подергала отца за куртку:

— Папа...

— Не называй меня так.

Она отступила назад, испуганная и смущенная его словами. Он ведь ее отец. Мама ей так говорила. Он даже привозил ей подарки — каждый раз, когда возвращался домой. Эти подарки ей давала мама. Может, он злится потому, что она никогда не благодарила его за подарки?

— Я хочу поблагодарить тебя за те подарки, которые ты...

— Замолчи, Сара,— быстро сказала мама.— Не сейчас, дорогая.

Папа гневно посмотрел на маму:

— Позволь ей говорить. Ты ведь этого хотела, верно? Почему же ты затыкаешь ей рот сейчас, Мэй?

Мама подошла поближе и положила руку Саре на плечо. Сара чувствовала, как дрожат мамины пальцы, но теперь папа наклонился к ней и улыбался.

— Какие подарки? — спросил он.

Он был такой красивый и выглядел точно так, как мама его описывала. Сара чувствовала гордость от мысли, что это ее отец.

— Расскажи мне, маленькая моя.

— Мне так нравились шоколадки, которые ты мне привозил,— сказала Сара, чувствуя, как все внутри нее потеплело и исполнилось гордости от его внимания.— Они были очень вкусные. Но больше всего я люблю хрустального лебедя.

Она снова улыбнулась, она буквально сияла от радости из-за того, что папа внимательно ее выслушал. Он даже улыбался, хотя Сара не могла бы сказать, что ей понравилась его улыбка,— она была едва заметной и натянутой.

— Замечательно,— проговорил он и выпрямился. Посмотрел на маму.— Мне приятно узнать, как много значат мои подарки.

Сара посмотрела на отца, взволнованная услышанным.

— Я поставила его в комнате на подоконник. Солнце светит прямо через него, и разноцветные лучики разбегаются по комнате. Хочешь пойти посмотреть? — Она взяла его за руку. Когда он резко отдернул руку, она заморгала обиженно, ничего не понимая.

Мама закусила губу и протянула было руку к нему, но потом остановилась. Она казалась напуганной. Сара переводила взгляд с папы на маму и обратно, пытаясь понять, что она не так сделала. Может быть, папа недоволен тем, что ей понравились его подарки?

— Итак, ты отдала мои подарки ребенку. Хорошо, что я узнал, как много они значат для тебя.

Сара открыла было рот, но прежде чем она успела произнести хоть слово, мама, нежно коснувшись ее плеча, сказала:

— Дорогая, будь хорошей девочкой, иди на улицу и поиграй там немного.

Сара встревоженно посмотрела на маму. Неужели она сделала что-то не так?

— Можно мне остаться? Я буду вести себя очень тихо.

Мама не ответила. Ее глаза блестели от слез, и она продолжала смотреть на папу.

Алекс взглянул на Сару.

— Я хочу, чтобы ты пошла и поиграла на улице,— тихо сказал он.— Нам нужно поговорить с твоей мамой наедине.

Он улыбнулся и погладил ее по щеке. Сара заулыбалась, придя в полный восторг. Папа погладил ее: он совсем не злится. Он ее любит! Мама была права.

— Могу я войти, когда вы закончите говорить?

Лицо папы стало напряженным, и он холодно произнес:

— Твоя мама выйдет и позовет тебя. А теперь беги, гуляй.

— Да, папа.— Саре так хотелось остаться, но еще больше ей хотелось угодить папе. Она вышла из гостиной, пройдя через кухню к задней двери. Сорвав несколько маргариток, которые росли рядом с дверью, она направилась к калитке. Она шла, обрывая лепестки цветов.

— Любит, не любит, любит, не любит...

Дойдя до угла дома, она замолчала. Ей очень не хотелось беспокоить маму и папу. Ей просто хотелось быть рядом.

Сара предалась мечтам. Может быть, папа посадит ее к себе на плечи. Она мечтала прокатиться вместе с ним на его большой черной лошади. Конечно же, ей нужно будет переодеться. Он точно не захочет, чтобы она испачкалась. Она мечтала посидеть на его

коленях, пока они с мамой будут беседовать. Ей бы это очень-очень понравилось, и она бы сидела тихо, никому не мешала.

Окно гостиной было открыто, и она слышала доносившиеся голоса. Мама любила, когда гостиную наполнял аромат цветов. Сара остановилась под окном и прислушалась к голосам родителей. Так она сможет узнать, когда они закончат, чтобы ей можно было вернуться в комнату. Если она будет сидеть очень тихо, то, конечно, не побеспокоит их. А маме не придется долго ее искать.

— Что я должна была делать, Алекс? Ты никогда не проводил с ней достаточно времени. Что я должна была ей говорить? Что ее отцу наплевать? Что он не хотел ее рождения?

Сара открыла рот от удивления. *«Скажи, что это не так, папа! Скажи, что это не так!»*

— Я привез этого лебедя из Европы для *тебя*, а ты отдала его ребенку, который не понимает, насколько он ценный. Может быть, и жемчуг ты ей отдала? А музыкальная шкатулка? Я думаю, она и ее получила!

Маргаритки выпали из рук Сары. Она села на землю, забыв о своем красивом платье. Радость, от которой совсем недавно так сильно колотилось ее сердце, медленно угасала. Все внутри переворачивалось с каждым новым словом.

— Алекс, пожалуйста! Я не вижу в этом проблемы. Так было проще. Сегодня утром она спросила меня, достаточно ли она уже взрослая для встречи с тобой. Она задает мне этот вопрос каждый раз, когда ты приезжаешь. Разве я могла еще раз сказать ей «нет»? У меня все-таки есть сердце. Она не может понять причину твоего пренебрежения. Да и я тоже.

— Ты знаешь мое отношение к ней.

— Как ты можешь говорить о своих чувствах, если ты ее совсем не знаешь? Она прекрасный ребенок, Алекс. Очень бойкая и очаровательная. Она так похожа на тебя. И она личность, Алекс. Ты не можешь вечно игнорировать ее существование. Она твоя дочь...

— У меня достаточно детей от моей жены. Законнорожденных детей. И я говорил тебе, что не хочу еще одного ребенка.

— Как ты можешь так говорить? Как ты можешь ненавидеть свою плоть и кровь?

— Я тебе говорил о своих чувствах с самого начала, но ты не хотела слушать. Этот ребенок не должен был родиться, Мэй, но ты настояла на своем.

— Ты думаешь, я хотела забеременеть? Думаешь, я хотела ребенка?

— Я часто размышляю об этом. Особенно после того, как я нашел выход из положения для тебя, но ты отказалась. Врач, к которому я тебя отправлял, позаботился бы обо всем. Он помог бы тебе избавиться...

— Я не могла так поступить. Неужели ты думаешь, что я смогла бы убить своего нерожденного ребенка? Это же смертный грех!

— Ты слишком много времени провела в церкви,— с насмешкой сказал Алекс.— А ты не думала, что если бы ты тогда послушала меня и избавилась от этого ребенка, то не было бы проблем, которые тебе сейчас приходится решать? Все было бы так просто. Но ты не захотела.

— Я хотела этого ребенка! — проговорила мама дрогнувшим голосом.— Она была частью нас обоих, Алекс, и я хотела ее родить, даже тогда, когда ты был против...

— В этом ли настоящая причина?

— Ты делаешь мне больно, Алекс!

Сара вздрогнула от резкого звука, как будто что-то разбилось.

— В этом ли причина, Мэй? Или ты думала, что если родишь ее, то сможешь удержать меня рядом? Тебе ведь этого всегда так не хватало.

— Почему ты мне не веришь? — Мама начала плакать.— Почему ты не можешь мне поверить? Ты глупец, Алекс. Ох, что же я наделала? Я все тебе отдала! Свою семью, друзей, свое самоуважение, все, во что я верила, все надежды...

— Я купил этот дом для тебя. Даю тебе столько денег, сколько тебе нужно.

Мама заговорила громче:

— Можешь ли ты почувствовать то, что чувствую я, когда иду по улицам этого города? Ты приезжаешь и уезжаешь, когда тебе угодно. И все знают, кто ты и кто я. Никто со мной не разговаривает. Сара это тоже чувствует. Она однажды спросила меня об этом, и я сказала, что мы немного отличаемся от других людей. Я не знала, что еще придумать.— Мамин голос дрогнул.— Я, наверное, пойду в ад за то, кем я стала.

— Я устал все время слушать твои обвинения и рассказы об этом ребенке. Она разрушила все между нами. Помнишь, как мы были

счастливы? Мы никогда не спорили. Я не мог дождаться того дня, когда мы снова увидимся и я смогу быть с тобой.

— Не...

— И сколько времени я смог провести с тобой сегодня? Достаточно? Ты тратишь все свое время на нее. Я ведь тебе говорил, что именно так все и будет, верно? Да лучше бы ее никогда не было!

Мама выкрикнула грязное ругательство. Раздался грохот. В ужасе Сара вскочила и побежала. Пробежала мимо маминых цветов, через лужайку и выскочила на дорожку, ведущую к беседке. Бежала до тех пор, пока оставались силы. Тяжело дыша, чувствуя жар во всем теле, она упала на траву и разрыдалась. Слезы текли и текли из ее глаз. Вскоре она услышала топот копыт. Пытаясь спрятаться, она забралась в высокую траву, которая густо росла у ручья, и осторожно выглянула из своего укрытия. Она увидела отца, который скакал на своем огромном черном коне. Нырнув обратно в траву, Сара съежилась и сидела там, плача и ожидая, что мама придет и заберет ее домой.

Но мама не пришла и не позвала ее. Немного погодя Сара решила пойти обратно к беседке. Там, среди цветов, она сидела и ждала. Когда мама наконец пришла и стала звать ее, слезы уже высохли, а чистый белый передник был весь в грязи. Сару все еще била дрожь от того, что ей довелось услышать.

Мама была очень бледна, распухшие от слез глаза смотрели безжизненно. Под одним глазом виднелась синяя отметина. Было заметно, что мама пыталась припудрить синяк. Она улыбалась, но улыбка была неестественной и вымученной.

— Где ты была, дорогая? Я тебя долго искала.

Сара знала, что это неправда. Это она ее очень долго ждала. Мама достала свой кружевной платок и отерла грязное пятно на щеке Сары.

— Твоего папу неожиданно вызвали по делам,— сказала она.

— Он вернется? — спросила Сара испуганно. Она больше никогда не хотела его видеть. Он сделал маме больно, она плакала.

— Скорее всего, он уехал надолго. Мы будем ждать его. Он очень занятой и важный человек.

Сара ничего не сказала. Мама взяла ее на руки и крепко прижала к себе:

— Все будет хорошо, милая. Знаешь, что мы сделаем? Мы пойдем в дом и переоденемся. Потом соберем корзинку для пикника и пойдем к ручью. Тебе нравится эта идея?

Сара кивнула и обняла маму за шею. Ее губы задрожали, и она изо всех сил пыталась не заплакать. Если она заплачет, мама поймет, что она подслушивала, и разозлится.

Мама долго не выпускала Сару из рук, прижимаясь лицом к волосам дочери.

— Мы справимся. Вот увидишь, милая. Мы обязательно справимся.

***

Алекс не возвращался, мама становилась все слабее, она посерела и сильно изменилась. Часто залеживалась в кровати подолгу, а когда все же поднималась, то не ходила на прогулки, как она это обычно делала. Если она пыталась улыбаться, глаза оставались все такими же мутными и безжизненными. Хлоя говорила, что ей нужно больше есть. Хлоя очень много говорила, не опасаясь, что Сара может это услышать.

— Он продолжает присылать вам деньги, мисс Мэй. Это что-то да значит.

— Мне наплевать на деньги. Мне всегда было на них наплевать.

— Вы бы не говорили так, если бы их не было.

Сара пыталась подбодрить маму. Она собирала и дарила ей большие букеты цветов. Отыскивала красивые камни, отмывала и тоже дарила. Мама всегда улыбалась в ответ и благодарила ее, но огонек в ее глазах так и не загорелся. Сара спела маме ту самую песенку, которую они вместе разучивали, рассказала несколько ирландских стихотворений, спела даже пару куплетов на латыни.

— Мама, почему ты больше не поешь? — спросила однажды Сара, забираясь к маме в кровать и укладывая куклу под одеяло.— Тебе будет лучше, когда ты будешь петь.

Мама медленно погладила ее по светлым длинным волосам:

— Мне сейчас не до песен. Так о многом приходится думать.

Сара почувствовала, как тяжесть заполняет ее душу. Это была целиком ее вина. Только ее. Если бы она не родилась, мама была бы счастлива.

— Алекс когда-нибудь вернется?

Мама посмотрела на нее, но Саре было безразлично. Она больше никогда не назовет его папой! Он сделал маме больно, и теперь она все время грустит. С тех пор как он уехал, мама почти не замечает ее. Однажды Сара слышала, как мама говорила Хлое, что любовь — это не благословение, а проклятие.

Сара взглянула маме в лицо, и ее сердце замерло. Она казалась такой печальной. Ее мысли снова были где-то очень далеко: Сара знала, что она думает о нем. Мама хотела и ждала его возвращения. Она плакала по ночам оттого, что он все не возвращается. Она пыталась заглушить рыдания, пряча лицо в подушку, но Сара все слышала.

Закусив губу, девочка сосредоточенно играла с куклой, готовясь задать свой вопрос:

— А что, если я заболею и умру, мам?

— Ты не заболеешь,— ответила мама, снова бросив на нее взгляд. Улыбнувшись, она продолжала: — Ты еще слишком маленькая и здоровая и поэтому никак не можешь умереть.

Сара наблюдала, как мама причесывается. Будто бы солнце падало на ее тонкие плечи. Мама была такая красивая. Как мог Алекс не любить ее?

— Но если я все-таки умру, он вернется и останется с тобой?

Мама застыла от удивления. Затем повернулась к Саре, пристально глядя на нее. То, что Сара увидела в маминых глазах, испугало ее. Ей не стоило этого говорить. Теперь мама может догадаться, что Сара слышала, как они ссорились...

— Даже не думай об этом, Сара.

— Но...

— Нет! Никогда больше не задавай таких вопросов. Ты поняла?!

Мама впервые повысила на нее голос. Сара почувствовала, что у нее дрожит подбородок:

— Да, мама.

— Никогда больше,— сказала мама уже спокойнее.— Обещай мне. Все, что происходит, не имеет к тебе никакого отношения.— Мама протянула руку, привлекла ее к себе и нежно погладила.— Я люблю тебя. Я так сильно тебя люблю! Люблю тебя больше всего на свете.

«После него», — подумала Сара. После Алекса Стаффорда. А что, если он вернется? Что, если маме придется выбирать? Как она тогда поступит?

В страхе Сара прижалась к маме и молилась о том, чтобы он никогда не вернулся.

***

Однажды к маме приехал какой-то молодой человек.

Сара играла с куклой у камина, пока мама разговаривала с гостем. До сих пор в их дом приходили только два человека — мистер Пенрод, он привозил дрова, и Боб. Бобу нравилась Хлоя. Он работал мясником на рынке и всегда поддразнивал Хлою, говоря о свежих окорочках и вкусных ножках ягненка. Хлоя смеялась, но Саре это совсем не казалось смешным. Он носил грязный фартук, весь покрытый кровью.

Тем временем молодой человек передал маме письмо, но она не открыла и не прочитала его. Они вместе попили чаю, он поблагодарил ее. Потом их разговор свелся к тому, какая сегодня хорошая погода и какие замечательные цветы растут в мамином саду. Потом он рассказал, что путь из города был утомительным. Мама угостила его печеньем. Сару никто не замечал.

Что-то было не так — она это понимала. Мама сидела неестественно прямо и говорила тихо.

— Какая красивая маленькая девочка,— сказал молодой человек и улыбнулся Саре. Она опустила глаза в смущении. Она боялась, что мама отправит ее гулять, заметив ее присутствие.

— Да, это правда. Спасибо.

— Очень похожа на вас. Прелестна, как восход солнца.

Мама, улыбаясь, посмотрела на нее:

— Сара, почему бы тебе не сходить в сад и не нарвать цветов в вазу?

Девочка взяла свою куклу и вышла, не говоря ни слова. Ей очень хотелось порадовать маму. Она зашла в кухню, взяла острый нож и вышла в сад. Мама больше всего любит розы. Еще Сара срезала немного шпорника, веточек акации, ромашек и маргариток, наполнив корзинку цветами.

Когда она вернулась в дом, молодого человека уже не было. Раскрытое письмо лежало у мамы на коленях. Ее глаза сияли, а на щеках горел живой румянец. Складывая и убирая письмо, она улыбалась. Затем мама встала, подошла к Саре и, подхватив ее на руки, закружилась по комнате:

— Спасибо за цветы, дорогая! — Она крепко поцеловала Сару. Когда она наконец опустила дочку на пол, Сара поставила корзинку на стол.

— Я так люблю цветы! — сказала мама. — Они такие красивые, правда? Почему бы тебе не разобрать их? Мне нужно кое-что найти в кухне. Ой, Сара! Какой сегодня замечательный день!

«Это плохой день», — подумала Сара, глядя вслед маме. Ее снова объял страх. Она взяла со стола большую вазу и вышла из дома, чтобы выбросить увядшие цветы. Налила в вазу свежей воды и отправилась обратно. Когда она водружала вазу на стол, немного воды пролилось ей на платье. Сара поставила букет в воду, не срезав листья и не укоротив стебли. Ее не волновало, как выглядит букет, — она знала, что мама все равно ничего не заметит.

Алекс Стаффорд возвращался.

Мама вернулась в гостиную вместе с Хлоей:

— Дорогая, у меня для тебя замечательные новости. Хлоя решила съездить на побережье и хочет взять тебя с собой. Не правда ли, это здорово?

Сердце Сары забилось быстро и гулко.

— Правда, это мило с ее стороны? — весело продолжала мама. — У нее там есть друг, хозяин гостиницы. И он так любит маленьких девочек.

Хлоя улыбалась напряженно и холодно. Сара посмотрела на маму:

— Я не хочу ехать, мама. Я хочу остаться с тобой. — Она понимала, что происходит. Мама избавлялась от нее, потому что ее отец не хотел ее видеть. А может, и мама тоже.

— Глупости! — Мама рассмеялась. — Ты еще нигде не была, и тебе просто необходимо увидеть мир. Тебе понравится океан, Сара. Там так красиво! Ты сможешь сидеть на песке и слушать, как шумят волны. Будешь строить песочные замки и искать красивые раковины. Волны будут щекотать тебе ноги.

Мама снова ожила. Сара знала, что причиной этому было письмо. Алекс написал, что едет и хочет увидеться с мамой.

А маме не хочется, чтобы опять случился скандал, и на этот раз она решила избавиться от Сары. Девочка взглянула на сияющее лицо мамы, и ее сердце замерло.

— Ну что, дорогая? Давай пойдем и соберем твои вещи.

Сара молча наблюдала за тем, как ее одежду упаковывают в сумку. Мама спешила и не могла дождаться той минуты, когда наконец останется одна.

— Где твоя кукла? — спросила она, оглядываясь вокруг.— Ты же хочешь взять ее с собой?

— Нет.

— Почему нет? Ты же никогда не оставляла ее одну.

— Она хочет остаться дома, с тобой.

Мама нахмурилась, но не настаивала. Впрочем, и решения своего она тоже не изменила.

Хлоя вернулась за Сарой, и они довольно долго шли по городу. Когда подъехал экипаж, Хлоя купила билеты. Взяв плату за багаж, кучер поместил его в экипаж и занял свое место, Хлоя посадила Сару внутрь, сама села напротив и улыбнулась. Ее карие глаза сияли.

— Приготовься к приключению, Сара.

Девочке захотелось выскочить и бежать домой к маме, но она понимала, что мама отправит ее назад. Когда лошади тронулись с места, Сара подобралась ближе к окну и, высунувшись, наблюдала за тем, как мимо проплывают знакомые дома. Экипаж прополз по мосту и выехал на выложенную деревом дорогу. Все, что было так знакомо, с каждой минутой удалялось, становилось все меньше. Сара вновь опустилась на трясущееся сиденье. Чем дальше они уезжали от дома, тем хуже ей становилось.

— Мы остановимся в «Четырех ветрах»,— сообщила Хлоя, удовлетворенная долгим молчанием Сары. Она ожидала, что девочка будет нервничать, плакать и причинять ей множество неудобств. Возможно, она так бы и сделала, если бы это могло что-то изменить. Ей ведь никогда еще не приходилось так далеко уезжать от мамы. Но Сара понимала, что плач ничего не изменит. Алекс Стаффорд возвращается, поэтому ей лучше уехать. Она сидела тихая и сосредоточенная.

— У них хорошая еда и приличные комнаты,— продолжала рассказывать Хлоя.— Мы будем очень близко к морю. Ты сможешь одна пойти по дорожке и дойти до утеса. Посмотришь, как волны бьются о скалы. Тебе понравится, как они шумят, а запах соленого океана вообще ни с чем не сравнить.

Ни с чем не сравнить...

Саре нравился их дом и цветы в саду. Ей нравилось сидеть в беседке вместе с мамой, нравилось, когда их босые ноги взбалтывали воду в ручье.

Пытаясь справиться со слезами, она снова посмотрела в окно. Яркий свет резал глаза, а песчаная пыль проникала в горло. Часы тянулись очень медленно, от топота копыт разболелась голова. Она устала — устала так сильно, что глаза закрывались сами собой, но каждый раз, когда она погружалась в сон, экипаж кренился или вздрагивал, и она просыпалась.

Только один раз за все время пути кучер остановился, чтобы сменить лошадей и сделать небольшой ремонт. Хлоя отвела Сару в туалет. Когда же девочка вышла на улицу, Хлои нигде не было видно. Тогда она побежала к экипажу, затем в конюшню, на дорогу, выкрикивая имя Хлои.

— Прекрати этот шум! О Боже, с чего вся эта беготня? — прошептала Хлоя, внезапно появившись рядом.— Ты похожа на курицу, которой только что отрубили голову, так смешно ты бегаешь!

— Где ты была? — резко спросила Сара, слезы текли по ее щекам.— Мама сказала, чтобы мы всегда были вместе!

Брови Хлои иронически изогнулись.

— Ах, извините, госпожа, но я позволила себе, не спросив вашего разрешения, выпить кружку эля.— Она схватила Сару за руку и повела ее в станционный домик.

Жена станционного смотрителя стояла у двери и вытирала руки.

— Какая милая маленькая девочка,— сказала она, улыбнувшись Саре.— Ты голодна, прелесть моя? У тебя есть время, чтобы съесть тарелку мясного супа.

Сара потупилась, смущенная пристальным взглядом женщины.

— Нет, спасибо, мадам.

— И очень воспитанная,— добавила жена станционного смотрителя.

— Иди, Сара,— приказала Хлоя, слегка подтолкнув ее.

Усаживая девочку за стол, женщина нежно похлопала ее по спине:

— Тебе не мешало бы добавить немножко мяса на твои косточки, дорогая. Попробуй мой суп. Меня считают лучшей стряпухой на этой дороге.

Хлоя села и снова взялась за свою кружку:

— Тебе нужно поесть, прежде чем мы поедем дальше.

— Я не голодна.

Хлоя, слегка наклонившись вперед, добавила:

— Мне все равно, хочешь ты есть или нет,— произнесла она тихо.— Ты будешь делать то, что я говорю. Кучер сказал, что мы пробудем здесь еще полчаса, а потом еще целых три или четыре часа будем ехать до побережья. Мне вовсе не хочется услышать твои жалобы, когда тебе захочется есть. Это твоя последняя возможность поесть, пока мы не доберемся до места.

Сара смотрела на Хлою, стараясь не заплакать. Та заглянула ей в лицо, протянула руку и неуклюже похлопала ее по щеке.

— Поешь немного, Сара,— проговорила она. Сара послушно взяла ложку и начала есть. Мама говорила, что эту поездку устроили специально для нее, но Хлоя вела себя так, словно Сара ей мешала. Не было никаких сомнений, что мама отправила ее на побережье только ради того, чтобы от нее избавиться.

Когда они снова отправились в путь, Сара сидела очень тихо. Она пристроилась у окна, сложив на коленях маленькие ручки. Благодарная ей за молчание, Хлоя вскоре заснула. Открыв глаза через некоторое время, она с улыбкой посмотрела на Сару.

— Чувствуешь, как пахнет морем? — спросила она. Сара все так же сидела, глядя в окно, в том же положении, как тогда, когда Хлоя заснула. Но она знала, что на ее грязном лице отчетливо видны светлые полоски от слез, которые она никак не могла остановить. Хлоя с грустью посмотрела на девочку и отвернулась к своему окну.

Солнце село, и вскоре они подъехали к гостинице. Сара крепко держала Хлою за руку, пока кучер отвязывал их багаж. Она услышала громкий рев, подобный рычанию какого-то чудовища.

— Что это, Хлоя? — испуганно спросила Сара.

— Это море бьется о камни. Здорово, правда?

Сара подумала, что это самый страшный звук, который ей когда-либо доводилось слышать. Ветер завывал среди деревьев, как будто дикий зверь, ищущий свежей крови. Войдя в двери гостиницы, она услышала громкий мужской смех и крики. Отпрянув назад, она не решалась двигаться дальше.

— Смотри, будь осторожна и внимательна,— произнесла Хлоя, подталкивая ее внутрь.— И возьми свою сумку, а я понесу свою.

Взяв свою сумку, Сара, не отставая, следовала за Хлоей. Та оглядела комнату и улыбнулась. Девочка проследила за ее взглядом и увидела у стойки бара мужчину, который боролся на руках с мускулистым матросом. Сидящий рядом здоровяк разливал по кружкам эль. Заметив вошедших, он наклонился к боровшимся мужчинам, что-то тихо сказал одному из них, кивнул в сторону Хлои. Мужчина повернулся, а моряк воспользовался возникшим преимуществом и придавил его руку к стойке, издав победный крик. Сара со страхом смотрела, как побежденный вскочил на ноги и что было силы врезал моряку в правый глаз, отправляя его в нокаут.

Хлоя рассмеялась. Казалось, она совсем забыла о Саре, которая пряталась в ее пышных юбках. Девочка тихонько поскуливала от страха, когда тот же мужчина, подойдя к Хлое, под громкие крики остальных наградил ее звучным поцелуем. Он посмотрел на Сару, и она от ужаса готова была упасть в обморок. Мужчина приподнял бровь:

— Черт возьми, ты, похоже, спуталась с каким-то красавчиком.

Хлоя наконец поняла, о чем он говорит.

— А, ты о ней!.. Нет, Меррик. Она не моя. Это дочь той женщины, на которую я работаю.

— А что она делает здесь, с тобой?

— Это длинная и грустная история, которую мне не очень хочется сейчас вспоминать.

Он кивнул и потрепал ее по щеке:

— Как тебе понравилась деревенская жизнь?

Он улыбался, но эта улыбка совсем не казалась Саре милой или приятной.

Хлоя покачала головой:

— Я нашла там все, что ожидала найти.

Он рассмеялся и взял ее сумку:

— Именно поэтому ты опять с нами, да? — Он взял сумку Сары и нагло оскалился, громко рассмеявшись, когда Сара отпрянула, подумав, что это и есть сам дьявол.

Она еще никогда не видела подобных людей. Меррик был большой, просто огромный, черноволосый, лицо его обрамляла борода. Он показался девочке похожим на пиратов, о которых ей рассказывала мама. Он обладал громким, звучным голосом, а когда смотрел на Хлою, казалось, что он собирается ее съесть. Хлоя будто бы ничего не

замечала. Не обращая внимания на Сару, она направилась в другой конец комнаты. Сара пошла за ней, боясь остаться одна. Все, кто был в комнате, смотрели на нее.

— Эй, Стомп! Налей-ка нашей Хлое кружку эля! — потребовал Меррик, обращаясь к седому бармену, который приветствовал Хлою, ухмыляясь и подмигивая. Меррик взял Сару за талию, поднял и посадил на барную стойку.— И немного разбавленного вина для этого бледного цыпленка.— Он пощупал ее бархатный жакет.— Твоя мама, должно быть, очень богата, да?

— Ее папа богат,— сообщила Хлоя.— И женат.

— Ах, вот как! — Меррик подмигнул Хлое.— Вот, значит, как обстоят дела. Я-то думал, ты работаешь в уважаемой семье.

— Это хорошая работа. Никто не смеет бросать на меня косые взгляды.

— А твои хозяева знают, что ты пять лет работала в пивной, прежде чем решила улучшить свое положение? — Он положил руку ей на бедро.— Я уж не говорю о дополнительном заработке на стороне...

Хлоя покосилась на Сару и отбросила его руку:

— Мэй знает. Она не из тех, кто смотрит на людей сверху вниз. Она мне нравится.

— А этот мышонок хоть немного похож на нее?

— Точная копия.

Меррик подергал Сару за подбородок и похлопал по щеке:

— Глаза синие, как фиалки, а волосы, как у ангела. Твоя мама, должно быть, потрясающе красива, если ты похожа на нее. Мне бы хотелось повстречаться с ней.

Хлоя напряглась, как натянутая пружина, и Сара подумала, что она злится. Ей так хотелось, чтобы Меррик оставил ее в покое, но он все продолжал поглаживать девочку по щеке. Саре захотелось сбежать и спрятаться как можно дальше от этого ужасного бородатого человека, не видеть его черных глаз и ухмылок.

— Оставь ее в покое, Меррик. Она достаточно напугана и без твоих домогательств. Она впервые оказалась так далеко от мамы.

Он захохотал:

— Кажется, девчонка готова умереть от страха. Эй, крошка! Я не такой уж страшный. Пей.— Он придвинул Саре кружку разбавленного вина.— Это все, что тебе сейчас нужно. Всего глоток, и тебе

уже совсем не будет страшно.— Он снова засмеялся, увидев, как Сара скорчила гримасу, попробовав вино.— Она что, привыкла к чему-то получше?

— Она ни к чему не привыкла.

Теперь Сара не сомневалась, что Хлоя злится. Ей очень не нравилось то, что Меррик столько внимания уделяет Саре. Хлоя сердито смотрела на нее:

— Ну, не будь такой трусихой. Он просто пустобрех, ну и кое-кто еще.

Раздался громкий хохот. Смеялись все, включая старого Стомпа и самого Меррика. Саре очень хотелось вскочить и убежать от этих громких голосов, смеха и глазеющих на нее людей. Девочка облегченно вздохнула только тогда, когда Хлоя помогла ей спуститься на пол, и они вместе пошли и сели за стол. Сара слегка удивилась, увидев, что Меррик идет следом. Подвинув стул, он сел рядом. Опустошив одну кружку, тут же заказывал следующую. Он шутил, и Хлоя не переставала смеяться над его шутками. Он сунул руку под стол, и Хлоя оттолкнула его от себя. Но она улыбалась и говорила все больше и больше. Ее голос звучал очень весело, слова будто слились в один поток.

Сара очень устала, ее веки так отяжелели, что, казалось, глаза сейчас закроются, и она ничего не сможет с этим поделать.

Меррик поднял очередную кружку с элем.

— Мышонок, кажется, уже уплывает.

Хлоя, слегка прикоснувшись к голове Сары, сказала:

— Сложи руки на столе и поспи немного.

Сара покорилась, желая поскорее уйти в комнату. Но Хлоя, по-видимому, не собиралась уходить. Казалось, ей нравится все происходящее. Она смотрела на Меррика и улыбалась такой странной улыбкой.

— Зачем ты привезла ее с собой? — глухо спросил Меррик. Сара прикрыла глаза и притворилась спящей.

— Потому что ее мама встречается с ее дорогим папашей, и они оба не хотели ее видеть.— Голос Хлои прозвучал сухо.— Оставь меня в покое.

— Ты не хочешь? — Меррик громко захохотал.— Ты же для этого к нам вернулась. Как там деревенские мальчики?

— Никак. Один ходит за мной и уговаривает выйти за него замуж.

— Давай поднимемся наверх и обсудим это.

— А что мне с ней делать? Я так разозлилась, когда Мэй повесила ее на меня.

Слезы выступили на глазах Сары, в горле запершило.

Неужели она больше никому не нужна?

— Мне кажется, что эту хорошенькую малышку легко пристроить. Кто-то же мог о ней позаботиться.

— Я говорила Мэй об этом, но она сказала «нет». Она доверяет мне. Единственное занятие, что у нее остается, когда ее любовник в отъезде, это игры с ребенком. Она же ничего больше не умеет, как только выращивать цветы и принаряжаться.

— Мне показалось, что она тебе нравится.

— Она мне вообще-то нравится, но каждый раз, когда Его Величество вдруг приезжает, угадай, что мне достается? Мне уже начинает надоедать везде таскать с собой чужого ребенка.

Меррик хихикнул:

— Что ж, почему бы нам просто не столкнуть ее с утеса? Может быть, ее мама и папа были бы нам благодарны. Может, премию бы тебе дали.

Сердце Сары громко заколотилось.

— Это не смешно, Меррик.— Хлоя выглядела раздраженной.— Давай-ка лучше разбудим ее и положим в кровать. У нее сегодня был тяжелый день.— Она слегка толкнула Сару, которая тотчас подняла голову и облегченно вздохнула. Хлоя взяла ребенка за руку.— Пойдем, сейчас мы ляжем спать. Скажи «до свидания» мистеру Меррику.

Он ухмыльнулся:

— Скоро встретимся с вами наверху, дамы.

Когда Хлоя открыла дверь своей комнаты, Меррик, оказавшийся рядом, не дал запереть ее и вошел следом. Сара встревоженно посмотрела на Хлою.

— Что ты делаешь? — прошептала Хлоя свирепо, обращаясь к Меррику.— Ты не можешь быть здесь со мной. Она обязательно расскажет мамочке, и я потеряю работу.

— Я об этом позабочусь.— Меррик наклонился и ущипнул Сару за щеку.— Попробуй только сказать кому-нибудь, что я был в этой комнате с Хлоей, и я отрежу твой маленький розовый язычок. Поняла?

Сара поверила всему услышанному и смогла только кивнуть в ответ. Он улыбнулся приторно и отпустил ее. Она метнулась в угол и забралась на кровать, дрожа и чувствуя тошноту.

— Вот видишь? — Меррик весело загоготал.— Нам не о чем беспокоиться. Она никому не скажет и слова о нас.

Хлоя уставилась на него широко открытыми глазами. Она выглядела расстроенной, и Сара надеялась, что она попросит мужчину уйти.

— Это было очень жестоко,— проговорила Хлоя и перевела взгляд на Сару.— Он, на самом деле, не это имел в виду, милая. Он пошутил. Не верь ни одному его слову.

— Тебе лучше верить, деточка. Я вовсе не шутил.— Меррик привлек и прижал к себе Хлою.— Жестоко? Жестоко было бы выставить меня сейчас за дверь, зная, как сильно я хочу быть с тобой.

Она оттолкнула его. Мужчина снова потянулся к Хлое, она увильнула от его объятий. Но даже Саре было понятно, что сопротивляется Хлоя только для виду. Как могла она терпеть рядом с собой этого ужасного человека?

— Я ведь знаю тебя, Хлоя.— Меррик широко улыбался, его глаза масляно блестели.— Для чего ты проделала такой долгий путь до побережья? Чтобы посмотреть на море?

— Море у меня в крови, так же, как у тебя.

Меррик снова прижал ее к себе и поцеловал. Хлоя боролась, пытаясь вырваться, но он держал ее крепко. Когда она наконец расслабилась в его объятиях, он отстранился немного и сказал:

— Кое-что еще есть у тебя в крови.

— Меррик, не надо. Она смотрит...

— Ну и что?

Он поцеловал ее снова, она сопротивлялась. Сара сидела, холодея от страха. Может быть, он просто убьет их обеих?

— Нет! — зло выкрикнула Хлоя.— Выметайся отсюда. Я не могу. Я должна заботиться о ребенке.

Он засмеялся:

— Я не знал, что ты так ответственно относишься к поручениям.— Ухажер разжал объятия, но Сара заметила, что Хлое это не слишком понравилось. Казалось, она вот-вот заплачет. Меррик улыбнулся и повернулся к Саре:

— Пошли, мышонок.

— Что ты делаешь, Меррик? — требовательно спросила Хлоя, в то время как Сара пыталась забиться в самый дальний угол кровати.

— Выставляю ее за дверь. Ей не повредит посидеть в коридоре немножко. И не упирайся. Я тебя слишком хорошо знаю... Кроме того, она будет совсем рядом, за дверью. Никто ее не тронет.

Сняв с одной из кроватей одеяло и подушку, он махнул Саре рукой:

— Не вынуждай меня подходить к тебе.

Сара не осмелилась ослушаться.

Она пошла за Мерриком, глядя, как он вытаскивает одеяло и подушку в темный коридор. Чья-то большая тень промелькнула в темноте и затаилась в углу. Она смотрела на Меррика широко открытыми, испуганными глазами.

— Сиди здесь и не двигайся. Если ослушаешься, я брошу тебя в море и скормлю крабам. Поняла?

Во рту у Сары пересохло, она не могла произнести ни слова. Поэтому просто кивнула.

В дверях показалась Хлоя:

— Меррик, я не могу оставить ее здесь одну. Я видела крысу.

— Она слишком мала, и крысы ее трогать не будут. Она вполне сможет побыть здесь. Ей понравится.— Он потрепал девочку по щеке.— Ведь так? Оставайся здесь, пока Хлоя не позовет тебя. И не сходи с этого места до тех пор, пока она не придет за тобой.

— Д-да, сэр,— из последних сил выдавила Сара. Слова застряли у нее в горле.

— Видишь? — Он выпрямился и посмотрел на Хлою, потом втолкнул ее обратно в комнату. Спустя мгновение дверь за ними закрылась.

Сара слышала голос Меррика и хихиканье Хлои. Потом до нее донеслись другие звуки, от которых ей стало страшно. Она хотела убежать, но вспомнила обещание Меррика скормить ее крабам, если она уйдет. В испуге она укрылась одеялом с головой и закрыла уши ладонями.

Наступившая тишина давила на нее со всех сторон, и давление все нарастало. Выглядывая из-под одеяла, Сара всматривалась в темный коридор. Ей казалось, что из густого мрака на нее смотрят чьи-то глаза. Что, если крыса вернется? Ее сердце колотилось, как

огромный барабан, все тело дрожало. Она услышала легкое царапание и вся сжалась, вглядываясь в темноту, испуганная тем, что там могло прятаться.

Дверь открылась, и она подскочила от неожиданности. В коридор вышел Меррик. Она прижалась к стене в надежде, что он ее не заметит. Он прошел мимо. Он уже забыл о ее существовании. И даже не взглянул на нее, направляясь к лестнице. Хлоя сейчас выйдет и позовет ее. Она заберет ее из этого темного, холодного коридора.

Проходили минуты, потом часы.

Хлоя не вышла. Закутавшись в одеяло и прижавшись к стене, Сара продолжала ждать — так же, как ждала маму в тот день, когда приехал Алекс.

***

Утром, с первыми лучами солнца, Хлоя проснулась с жуткой головной болью. Похоже, вчера она выпила слишком много эля, так что с трудом могла ворочать языком. Вытянув руку, она потрогала пустую холодную кровать и поняла, что Меррик уже ушел. Это было так на него похоже. Откровенно говоря, сейчас ей не до него. После всего, что произошло этой ночью, он не сможет сказать, что не любит ее. Ей захотелось кофе. Поднявшись, она быстро умылась и оделась. Открыв дверь, она увидела ребенка, сжавшегося в холодном коридоре; голубые глаза девочки блестели.

— Ох! — Хлоя не смогла сдержать изумленный вздох. Она совершенно забыла о своих обязанностях. Страх и чувство вины одновременно навалились на нее. А если Мэй узнает, что ее дочка всю ночь спала в этом мрачном и сыром коридоре? Она подняла Сару и внесла в комнату. Ее маленькие ручки были как лед, все тело побелело от холода.

— Не говори маме,— чуть не плача сказала Хлоя.— Если меня выгонят с работы, это будет только твоя вина.— Она разозлилась, поняв, насколько угрожающей была ситуация. Ее положение зависело теперь от молчания этого ребенка.— Почему ты ночью не пришла в комнату? Когда Меррик уходил, он же сказал, что ты можешь войти?

— Нет, не сказал. Он сказал, что я не должна сходить с места, пока ты меня не позовешь,— тихонько прошептала Сара, начиная плакать.

— Не лги! Я слышала, что он сказал! Все было совсем не так!

Сара заплакала еще сильнее — от смущения и страха.

— Прости меня, Хлоя. Прости меня. Прости.— Глаза маленькой девочки покраснели от слез.— Пожалуйста, не говори Меррику. Я боюсь, что он скормит меня крабам или сбросит со скалы! Он ведь обещал!

— Ну, хватит! Перестань плакать! — с досадой бросила Хлоя, остывая.— Плач все равно не поможет. Скажи, помог ли он когда-нибудь твоей маме? — Чувствуя угрызения совести, она взяла Сару на руки и прижала к себе.— Мы никому не скажем. Это будет наш с тобой секрет.

Меррик больше не пришел, и Хлоя сильно напилась на следующий вечер. Уложив Сару в постель, она спустилась в бар, надеясь, что он придет позже. Он не появился. Она посидела еще немного, развлекаясь и смеясь вместе с другими, делая вид, что ее совсем ничего не беспокоит. Затем поднялась в комнату, прихватив бутылку рома. Сара проснулась и сидела на постели с широко распахнутыми глазами.

Хлое захотелось поговорить. Ей нужно было выпустить пар. Она ненавидела Меррика за то, что он снова заставил ее страдать. Она слишком часто позволяла ему ранить себя. Когда же наконец она научится отказывать ему? Зачем она вернулась? Она же знала, что случится. Так было всегда.

— Я поделюсь с тобой истинами Господними, маленькая. Слушай внимательно.— Сделав большой глоток, она проглотила слезы и выпустила на свободу всю накопившуюся горечь и злость: — Все, что нужно мужчинам, это использовать тебя. Когда ты открываешь перед ними свое сердце, они разбивают его на кусочки.— Высказавшись, она отпила из бутылки и добавила чуть слышно: — Им всем наплевать. Посмотри на своего папашу. Думает ли он о твоей маме? Нет...

Сара попыталась зарыться в одеяло и заткнуть уши.

— Похоже, маленькая принцесса не хочет слышать горькую правду? Это плохо, очень плохо.— Хлоя вихрем подскочила к ее кровати и сорвала с нее одеяло. Когда Сара попыталась отползти, Хлоя схватила ее за ноги и потащила к себе.— Сиди и слушай меня! — Она схватила ребенка и с силой встряхнула. Сара зажмурилась и закрыла руками лицо.— Смотри на меня! — бушевала Хлоя до тех пор, пока Сара не послушалась.

Сара смотрела на женщину огромными от ужаса глазами. Она дрожала всем телом. Хлоя ослабила хватку.

— Твоя мама просила позаботиться о тебе,— сказала она.— Что ж, я позабочусь. Я поделюсь с тобой истинами Божьими. Слушай и учись.— Она отпустила ее, и Сара сидела неподвижно и тихо.

Злобно уставившись на нее, Хлоя уселась в кресло у окна и глотнула рома. Потом указала на Сару пальцем, пытаясь держать руку так, чтобы она не тряслась.

— Твой чудесный папаша плевал на всех и больше всего на тебя. Твоя мама интересует его только из-за того, что она может ему дать. И она отдает ему все. Он появляется, когда ему угодно, использует ее и возвращается на своей прекрасной лошади в свой милый дом, к жене-аристократке и хорошо воспитанным детям. А твоя мама? Она живет в ожидании, когда же он опять приедет к ней.

Она наблюдала за тем, как Сара все больше прижимается к стене. Как будто стена сможет защитить ее... Откуда же ребенку знать, что ничто не может защитить женщину от жестоких, холодных фактов. Хлоя грустно усмехнулась и покачала головой:

— Твоя мать такая милая и глупая. Она ждет его и готова целовать ему ноги, когда он возвращается. А знаешь ли ты, почему он так редко приезжает? Из-за тебя. Он не может видеть свое собственное отродье. Твоя мама плачет и умоляет его остаться, но разве ей это хоть раз помогло? Рано или поздно он устанет от нее и выбросит ее из своей жизни, как ненужный мусор. И тебя вместе с ней. На это ты точно можешь рассчитывать.

Сара громко плакала, и Хлоя, подойдя и наклонившись, отерла ей слезы.

— В этом мире всем друг на друга наплевать,— продолжила Хлоя. Ей было тоскливо, она мрачнела с каждой секундой.— Все мы используем друг друга, так или иначе. Чтобы нам было хорошо. Или плохо. Или вообще никак. У некоторых это очень хорошо получается. Например, у Меррика. Или у твоего богатого папы. Остальные просто берут то, что могут ухватить.

Мысли Хлои начинали путаться. Она не переставала говорить, но ее веки скоро так отяжелели, что она уже не могла их открыть. Поглубже усевшись в удобное кресло, девушка склонила голову на грудь.

Все, что ей нужно, это несколько минут сна. Больше ничего. Она поспит, и все будет хорошо...

Сара смотрела на Хлою, которая продолжала что-то бубнить, удобнее устраиваясь в кресле, пока наконец не уснула. Спала она шумно, из уголка ее приоткрытого рта медленно стекала слюна.

Сара так и сидела на смятой кровати, дрожа и пытаясь понять, права ли была Хлоя. Но где-то глубоко в душе она знала, что Хлоя права. Если бы ее отцу было небезразлично, разве он смог бы пожелать ей смерти? Если бы мама заботилась о ней, она никогда бы не отправила ее одну так далеко.

Истины Божьи. Что это такое, истины Божьи?

Следующим утром они уехали. Море Сара не увидела даже мельком.

***

Когда они приехали домой, мама старалась вести себя так, будто все в порядке, но Сара догадывалась, что происходит что-то ужасное. Перед домом стояло множество коробок, а мама упаковывала вещи.

— Мы едем в гости к твоим дедушке и бабушке,— весело проговорила мама, но ее глаза смотрели безжизненно.— Они же ни разу тебя не видели.

Она сказала Хлое, что ей будет очень ее не хватать. Хлоя просила ее не расстраиваться. Они с Бобом, скотником, все же решили пожениться. Мама высказала надежду, что все у них получится и они будут счастливы, после чего Хлоя ушла.

Посреди ночи Сара проснулась. Мамы не было на кровати, но Сара слышала ее голос. Она пошла на его громкий звук и попала в гостиную. Окно было открыто, и она выглянула на улицу. Что мама там делает среди ночи?

Луна ярко освещала сад, и Сара сразу увидела маму, которая склонилась над цветочными кустами в своей белой сорочке. Она обрывала цветы. Куст за кустом, она выдергивала растения и разбрасывала их в разные стороны, рыдая и что-то судорожно говоря. Подняв нож, она встала на ноги и подошла к другому кусту. Вновь опустившись на колени рядом со своими любимыми розами, она начала срезать их, одну за другой. Все до единой.

Закончив, мама согнулась и сидела так, скорчившись, покачиваясь и всхлипывая. Нож по-прежнему был в ее руке.

Сара опустилась на пол и спряталась в темноте, закрыв голову руками.

***

Весь следующий день они провели в дороге, ночью спали в комнате маленькой гостиницы. Мама почти ничего не говорила, и Сара лишь крепче прижимала к себе свою куклу. В комнате была только одна кровать, и Саре пришлось спать, прижавшись к маме, чему она была очень рада. Проснувшись утром, она увидела, что мама сидит у окна, перебирая четки и молясь. Сара прислушалась, не понимая, к единственной фразе, которую мама без конца повторяла:

— Прости меня, Господи Иисусе, я сама во всем виновата... Mea culpa, mea culpa — моя вина, моя вина...

Весь следующий день они опять провели в дороге и наконец приехали в город. Мама была сосредоточенной и бледной. Она причесала Сару, пригладила одежду на ней и поправила ей шляпку. Взяла ее за руку, и они пошли по дороге. Шли очень долго, пока наконец не пришли на улицу, обсаженную деревьями.

Подойдя к белому забору, они остановились у ворот.

— Боже, пожалуйста, пожалуйста, помоги им простить меня,— шептала мама.— О, Господи, пожалуйста...

Сара посмотрела на дом. Он был небольшим, не намного больше их дома, но ей очень понравилась веранда и цветочные горшки на подоконниках. Кружевные занавески завершали картину. Все увиденное показалось ей привлекательным.

Они подошли к двери, мама глубоко вздохнула и постучала. На стук вышла седая женщина небольшого роста.

На ней было сатиновое платье в мелкий цветочек и белый передник. Она все смотрела и смотрела на маму. Ее глаза наполнились слезами.

— О,— только и смогла произнести она.— О, Господи...

— Я вернулась домой, мама. Пожалуйста, позволь мне остаться.

— Это не так просто. Ты знаешь, что это совсем не просто.

— Мне некуда больше идти,— сказала мама.

Женщина взглянула на Сару.

— Не стоит даже спрашивать, чей это ребенок,— проговорила она с грустной улыбкой.— Она очень красива.

— Пожалуйста, мама...

Женщина открыла дверь шире и впустила их. Они прошли в небольшую комнату, всю заставленную книгами.

— Подождите здесь, пока я поговорю с твоим отцом,— сказала женщина и вышла.

Мама ходила, нервно заламывая руки. На несколько секунд она замерла, прикрыв глаза. Ее губы шевелились. Женщина вернулась с совершенно белым лицом: казалось, на нем добавилось морщин. По ее щекам текли слезы.

— Нет,— горько сообщила она. Одно слово. Только одно. «Нет».

Мама шагнула к двери, но женщина остановила ее:

— Все, что он скажет, только ранит тебя еще больше.

— Ранит? Разве что-то сможет ранить меня еще больше, мама?

— Мэй, пожалуйста, не надо...

— Я стану умолять. Я брошусь на колени. Я скажу, что он был прав. Он был прав.

— Это не поможет. Он сказал, что его дочь умерла.

Мэй побежала к двери.

— Я не умерла! — раздался ее крик.

Женщина попыталась удержать ее. Она быстро пошла следом, плотно прикрыв за собой дверь. Сара осталась одна и сидела, прислушиваясь к доносящимся голосам.

Через несколько минут мама вернулась. Ее лицо было очень бледным, но слезы уже высохли.

— Вставай, дорогая,— сказала она хмуро.— Мы уходим.

— Мэй,— заговорила женщина.— О, Мэй...— Подойдя, она что-то вложила ей в ладонь.— Это все, что у меня есть.

Мама не произнесла ни слова. Из соседней комнаты донесся раздраженный, требовательный голос.

— Мне нужно идти,— быстро проговорила женщина.

Мама кивнула, и они вышли за дверь.

Дойдя до конца зеленой аллеи, Мэй разжала ладонь и взглянула на купюру, которую дала ей мать. Криво усмехнулась. Опять взяла Сару за руку, и они двинулись дальше. Слезы ручьем текли по ее щекам.

***

Мама продала свое кольцо с рубином и жемчуг. На эти деньги они смогли прожить какое-то время в гостинице. Вскоре мама продала

музыкальную шкатулку, и еще некоторое время они довольно прилично жили в недорогом пансионе. Когда деньги закончились, мама попросила Сару отдать хрустального лебедя. На полученные от продажи средства они достаточно долго снимали захудалую меблированную комнату в сомнительном районе, пока в конце концов маме не удалось найти лачугу недалеко от нью-йоркского порта и снять ее.

Наконец Сара увидела море. В воде плавало множество мусора. Но даже несмотря на это, море очень полюбилось ей.

Иногда она сидела на причале. Ей нравился пропитанный солью и йодом воздух и корабли, которые заходили в порт для разгрузки. Ей нравилось, как шумят волны, разбиваясь о пирс, нравились крики чаек над головой.

В порту было множество матросов из разных стран. Некоторые из них приходили в гости к маме, и в такие дни Сару просили пойти погулять. Матросы никогда не задерживались слишком долго. Некоторые, похлопав Сару по щеке, говорили, что вернутся, когда она немного подрастет.

Кто-то из них даже сказал, что Сара красивее мамы, но Сара знала, что это неправда.

Ей очень не нравились все эти мужчины. Мама смеялась с ними и вела себя так, будто очень рада их приходу, но когда они уходили, она плакала и пила виски, пока не засыпала на смятой кровати, стоявшей у окна.

Когда Саре исполнилось семь, она задумалась над тем, что ей говорила Хлоя об «истинах Божьих». Может быть, она была в чем-то права?

Однажды к ним пришел дядя Роб. Они стали жить вместе, и все понемногу стало налаживаться. К маме почти перестали заходить другие мужчины. Они приходили только тогда, когда в карманах дяди Роба не было слышно звона монет. Он был очень большой и глупый, и мама относилась к нему с любовью. Они вместе спали в той самой постели у окна, а Саре постелили на полу.

— Он не слишком смышленый,— однажды сказала ей мама,— но у него доброе сердце, и он старается заботиться о нас. Время сейчас тяжелое, иногда он ничего не может заработать. Ему нужна моя помощь.

Бывали дни, когда Роб просто сидел у двери, напивался и пел песни о женщинах.

В дождливые дни он шел в соседский трактир и проводил время с друзьями, а мама напивалась и спала. Сара, чтобы хоть как-то развлечься, отыскивала жестяные баночки, очищала их от грязи и натирала до блеска. Она подставляла их в те места, где протекала крыша, и в дождь сидела и слушала музыку, которую издавали баночки, когда в них попадали капли воды.

Хлоя оказалась права, когда говорила, что слезами горю не поможешь. Мама все время плакала. Сара устала от ее плача, она старалась заткнуть уши, чтобы больше ничего не слышать. Ведь эти рыдания ничего не могли изменить.

Когда Сара проходила по улице, дети дразнили ее, а маму называли оскорбительными словами. Сара только смотрела на них и ничего не отвечала. Все, что они говорили, было правдой; спорить с этим было невозможно. Слезы подступали к глазам и все внутри сжималось от боли,— ей становилось так тяжело, что казалось, она не сможет этого вынести. Тогда она проглатывала слезы и прятала их как можно глубже — в конце концов они превратились в маленькие твердые камешки в ее груди. Сара научилась смотреть в глаза своим мучителям и улыбаться с презрением. Она научилась вести себя так, будто ничто из сказанного ее не задевает. Иногда она пыталась убедить себя в этом.

***

Той зимой, когда Саре исполнилось восемь, мама тяжело заболела. Она не стала приглашать врача. Она говорила, что ей просто надо отдохнуть. Но с каждым днем ей становилось все хуже, дышать было все труднее.

— Позаботься о моей маленькой девочке, Роб,— попросила мама. И улыбнулась, как раньше.

Умерла она утром, с первыми лучами весеннего солнца, сжимая четки в руке. Роб громко плакал, а Сара стояла молча. Слез не было, но была невыносимая тяжесть внутри. Когда Роб ненадолго ушел, она легла рядом с мамой и обняла ее.

Мама была очень холодная и окоченевшая. Саре так хотелось согреть ее. Ее глаза наполнились слезами. Она прикрыла их и шептала снова и снова:

— Проснись, мама! Проснись! Пожалуйста, проснись!..— Мама не просыпалась, и Сара уже не могла сдержать слез.— Я хочу с тобой.

Забери и меня, Боже. Я хочу уйти вместе с мамой.— Она рыдала до тех пор, пока сил совсем не осталось. Проснулась оттого, что Роб поднимал ее с кровати. С ним было еще несколько мужчин.

Сара увидела, что они забирают маму, и закричала, чтобы они оставили ее здесь и не трогали. Роб крепко держал Сару, прижимая к себе, пока другие продолжали заворачивать маму в простыню. Сара притихла и смотрела за тем, что они делают. Роб отпустил ее, и она села на пол.

Мужчины разговаривали между собой, словно Сары не было в комнате. Может быть, ее прежней действительно не было. Может быть, она стала другой.

— Спорю, что Мэй когда-то была очень красивой,— произнес один из мужчин, сшивая простыню.

— Ей лучше сейчас,— подхватил Роб, снова начиная плакать.— Сейчас она счастлива. И свободна.

«Свободна, — подумала Сара.— *Свободна от меня. Если бы меня не было, она бы жила в хорошеньком деревенском домике, где кругом цветы. Мама была бы счастлива. Она была бы жива».*

— Погоди-ка, — сказал другой мужчина. Он взял четки из рук мамы, бросил Саре на колени.— Спорю, она хотела бы отдать их тебе, детка.— Он закончил сшивать материал, а Сара, перебирая четки холодными пальцами, смотрела в пустоту.

Скоро все ушли и унесли с собой маму. Сара еще долго сидела одна и размышляла о том, сдержит ли Роб свое обещание. Позаботится ли он о ней? Наступила ночь, а он все не возвращался. Сара вышла из дома и, спустившись к причалу, бросила четки в мусорную кучу.

— Где же Твоя доброта? — закричала она, подняв голову к небесам.

Ответа не было.

Она вспомнила, что однажды мама ходила в огромную церковь и долго разговаривала со священником. Он что-то говорил ей, а мама слушала, склонив голову. Слезы текли по ее щекам. С тех пор она больше никогда не ходила в церковь, но иногда все же брала в руки четки и сидела, перебирая бусины своими тонкими пальцами и слушая шум дождя.

— Где Твоя доброта? — опять закричала Сара.— Скажи мне! — Проходивший мимо моряк удивленно взглянул на нее.